

Бисера Кирова

жена ревнует к России

Впервые Кирова узнали в СССР после фестиваля молодежной песни в Сочи, лауреатом которого он стал в 1967 году. С тех пор его жизнь и творчество были неразрывно связаны с Советским Союзом.

Он постоянно ездил к нам на гастроли, встречи, фестивали, на учебу в ГИТИС. И сегодня, когда все в мире изменилось до неузнаваемости, Киров по-прежнему любит Россию. настолько, что даже живет здесь.

— Господин Киров, вас никто не называл чудакom? Неужели самое комфортное для вас место жительства — номер в московской гостинице?

— Главное, что я не считаю себя чудакom. В год я провожу в Москве по три-четыре месяца. Остальное время живу в Германии или в родной Болгарии, где у меня есть дома, квартиры, земля, виноградники... Но богатый я себя не считаю, скорее состоятельным. Как и раньше, гастролирую по всему миру. А Россия — это последний каприз, который я могу себе позволить. С возрастом человек понимает, что есть места, без которых он не может жить. Москва — мой любимый город. Здесь я учился, здесь мои друзья, по-

беды. Нигде в мире у меня не было столько концертов. Иногда мне кажется, что в одной из своих прежних жизней я жил в России.

— А в Болгарии вас не ревнуют к России?

— Думаю, ревнуют. Когда я на родине, всегда нахожу время встретиться со своими поклонниками, пишу песни на болгарском. А потом меня почему-то опять тянет в Россию. Вот Карела Готта притягивает Германия, а меня — Россия. Не знаю, что с собой поделают...

— А как супруга относится к вашему четырем русским месяцам?

— Она страшно ревнует меня к вашей стране. Хотя... К чему она только меня не ревнует! И к концертам, и к музыке. Но это не страшно. Ревность — тоже любовь. Тем более что и ей Москва понравилась. Когда она была у меня в гостинице, спросила, сколько я плачу. Я сказал, что дорого. Она согласилась. А потом, когда посмотрела Москву, сказала: «Бисер, ты мало платишь!»

— Согласитесь, как только рухнула Берлинская стена и социалистический лагерь, творчество Бисера Кирова да и других восточноевропейских исполнителей того времени отошло на второй план. Не обидно?

— Посмотрите на спорт. Жизнь спортсмена, даже мирового значения, не больше 5—6 лет. Это нормально. А в музыке жизнь длиннее. Наша профессия модная и непредсказуемая. Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Юрий Антонов давно на сцене,

но они по сей день популярны. Я тоже чувствую себя частичкой этой тусовки. И нисколько не страдаю, что моя популярность уже не та, какой была когда-то. Но ведь мне уже 62, и я пою в первую очередь для себя. То, что мне приятно. Я не портной, который шьет костюм кому-то, я сам себя одеваю. Я могу себе это позволить. Сейчас мне 62, и я счастлив. У меня есть музыка, есть семья. Совсем недавно я стал дедушкой. Когда обнял маленькую внучку Малену, то понял, что проехал еще одну остановку жизни. И все, что я пою, пишу и делаю, приурочено не к сегодняшнему дню (и уж никак не ко вчерашнему), а скорее к завтрашнему.